

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

ОЛАФА ПИТЕРА КАРЛОСА ТРЕВЕЛЬЯНА-КРАСНОГОРЦЕВА, КОММОДОРА ЗВЕЗДНОГО ФЛОТА, ГЕРОЯ ГАЛАКТИКИ

В чудную майскую пору 2289 года три молодые девушки, Полина, Эльжбета и Индира, отправились из Лондона в Корнуолл, где на берегу Атлантики, у городка Бьюд, лежало поместье "Секвойи". Поздняя весна в Англии очаровательна: цветут нарциссы, тюльпаны и сирень, воздух наполнен ароматами цветов и свежей зелени, речки, прозрачные и чистые, как хрусталь, неторопливо несут свои воды к океану, на холмах шелестят листвою дубовые рощи, и этот буколический пейзаж непременно украшен каким-нибудь старинным замком, великолепно отреставрированным и превращенным в отель или музей. Корнуолл, расположенный на юго-западе Англии, весной был особенно хорош и считался отличным местом отдыха - гораздо лучшим, чем, например, лунные курорты и развлекательный комплекс на кольцах Сатурна. Но три юных леди стремились в "Секвойи" не ради отдыха.

Владельцем этой усадьбы и дома, возведенного в старинном английском стиле, был Роберт Педро Тревельян-Красногорцев, человек известный, достигший в своем ремесле больших успехов и признания. Род его происходил от Марии Красногорцевой, сбежавшей от грянувшей в России революции в Париж, и французского лейтенанта Пьера Тревельяна. История их знакомства, которое случилось в 1918 году, была весьма романтической, но, в отличие от других сюжетов такого рода, конец ее оказался счастливым: молодые люди обвенчались, Мария родила двойню, и во Второй Мировой сражались и выжили трое ее мужчин: сам полковник Тревельян и два его сына-летчика. С той поры и пошел род Тревельянов-Красногорцевых, к которому добавилась с течением лет датская кровь, и английская, и испанская. Служили потомки Марии и Пьера сначала в авиации, потом - в Объединенных Космических Силах и, наконец, в Звездном Флоте Земной Федерации. Пять или шесть поколений их семьи сражались с фаата в Войнах Провала и хоть особо не преуспели в чинах, но в храбрости и силе духа не уступали никому. Многие погибли, Роберт остался последним мужчиной в семье и, то ли по этой причине, то ли по врожденному миролюбию, оружие в руки не брал. Он был не воином, а художником, и когда

интересовались избранной им профессией, отвечал кратко: садовник.

Но, конечно, он был не простым садовником, а дизайнером, видным специалистом по созданию парков, садов и пейзажей, имитирующих дикую природу различных планет. Сложное искусство! Его результатом являлась не только красота, но и правильный экобаланс, так как без птиц, насекомых и нужной микрофауны растения, тем более инопланетные, не могли прижиться на Земле. Это касалось и земных насаждений, которые использовались при терраформировании миров в других звездных системах, и в таких случаях Роберта часто привлекали для консультаций и экспертиз. Особенно прославили его труды по озеленению Марса, Тхара и прочих холодных планет, куда экспортировались модификации елей, сосен, лиственниц и кедров.

Полине, Эльжете и Индире нужно было овладеть основами дизайнерского мастерства. Эти три девицы обучались в особом заведении, известном под кодовым названием "Гиневра" - имени, звуки которого навевали память о рыцарях Круглого Стола, короле Артуре и его прекрасной супруге. Однако "Гиневра" отнюдь не являлась пансионом для благородных девиц, где изучают изящные манеры - хотя это тоже входило в программу подготовки. "Гиневра" была школой Секретной службы космофлота, где обучали девушек и женщин, а эти тайные агенты должны владеть множеством профессий, от стюардессы до наладчика боевых роботов. Дизайн садов и парков входил в список рекомендованных умений вместе с танцами, музыкой и живописью, так что три девушки, прослушав теоретический курс, были посланы на практику в "Секвойи". Там, под руководством мэтра Тревельяна-Красногорцева, они окapyвали кусты жасмина, подрезали розы, сажали ирисы и предавались другим полезным для здоровья трудам. Они вполне овладели садовым искусством, но у практики оказался еще один итог: к ее концу все трое влюбились в Роберта.

Надо признать, он был красивым мужчиной и совсем не старым, ибо в XXIII веке сорок восемь лет считались молодостью. Он был высок и строен, обладал льняной шевелюрой и выразительными серыми глазами, а в его характере доброта и мягкость

сочетались с присущим роду Тревельянов-Красногорцев упорством. К тому же он владел изрядным состоянием, большой усадьбой, прекрасным домом и целым штатом роботов. Словом, любая из трех практиканток с радостью стала бы хозяйкой сердца Роберта и его поместья.

Но соперничества между ними не случилось. Конечно, в "Гиневру" подбирали крутых девиц, и Полина с Эльжбетой могли схватиться в рукопашной с дрои или сломать хребет хактору. Но есть разные степени крутизны, и высшая из них определяется не силой мышц, а твердостью нрава. В этом смысле Индира превосходила подруг, как превосходит тигрица нечто хищное, но более мелкое – скажем, самку леопарда. В "Гиневре" это признавали все, так что Эльжете и Полине оставалось лишь мечтать, вздыхать и даже плакать – но, разумеется, без свидетелей; слезы не делают чести секретному агенту. Что до Индиры, то у нее было важное для тайной службы качество: она всегда получала то, чего хотела. В данном случае, Роберта Педро.

А что же он сам? Он мог бы выбрать белокурую Эльжбету или рыжую Полину, но его тянуло к брюнеткам. Пожалуй, никто не назвал бы Индиру Ричардсон красавицей, но ее волосы были шелковистыми и темными, как ночь. Ее индийские предки перебрались в Британию еще в двадцатом веке, породнились с ирландцами и англосаксами, так что Индире достались от экзотических пращуров лишь имя, смугловатая кожа да черные глаза и волосы. Вместе с решительным нравом юной особы этого хватило, чтобы покорить Роберта.

Они сочетались браком в августе 2289-го, а в июле 2290-го Индира родила крепкого горластого мальчишку. В память о датских, британских и испанских предках его называли Олафом Питером Карлосом, но, став взрослым, он вспомнил о русской крови и выбрал имя Петр. Впрочем, в эпоху смешения народов, какой являлись те века, это было совсем не важным.

Индира, мать Петра, делала успешную карьеру в Секретной службе и дома появлялась нечасто. Мальчик был предоставлен заботам отца, который не скупился на внимание и ласку, так что детские годы Олафа Питера Карлоса прошли вполне счастливо, среди цветников и рощ "Секвойи" и в классах лучшей школы города Бьюд. Когда он

подрос, отец попытался приохотить сына к своему занятию, мать пустилась в намеки о высоком предназначении Службы, но Петр не хотел становиться садовником или секретным агентом. В отличие от отца, он мечтал о флоте и космических битвах и в этом смысле был продолжателем традиций воинственных предков. Роберту это не очень нравилось, но Индира сочла желание сына достойным, и в 2305 году, в шестнадцать лет, его послали в Академию Звездного Флота.

В те времена Академия имела ряд филиалов на Земле и Марсе, готовивших пилотов, навигаторов, десантников, инженеров, специалистов по вооружению для всех подразделений космофлота. Петр провел четыре года в Гибралтарском филиале, затем практиковался в обязательных полетах в бурной венерианской атмосфере, в посадках на спутники Сатурна и Юпитера и учебных стрельбах. Военное искусство давалось ему легко, и к тому же он умел ладить с людьми, особенно с девушками, считавшими Петра очень

Эсин Тревельян-Красногорцев, 2310 год.

обаятельным юным джентльменом. Он был не таким красивым и рослым как Роберт, и чертами больше походил на мать – немного смугловатый, кареглазый, с

волосами скорее темными, чем светлыми. Он относился к тем мужчинам, кому военная форма к лицу, и выглядел великолепно в парадном мундире и боевом скафандре. Он был силен и очень вынослив – словом, являлся достойным наследником рода Тревельянов-Красногорцевых.

Выпустили его в 2310 году в звании энсина-навигатора. Война с дроми уже началась, что открывало торный путь к битвам, подвигам и наградам, хотя на первом этапе военных действий приходилось больше обороняться, чем наступать – численно дроми превосходили Флот Федерации на порядок. Петр получил назначение стажером на крейсер "Урал", флагман адмирала Вальдеса, командующего Седьмой флотилии. Это подразделение входило в спешно организованный Флот Фронттира, боевые части которого были разбросаны на много световых лет вдоль пространственных рубежей, обращенных к секторам дроми, хапторов и лоона эо. Флотилия Вальдеса, семь крейсеров и двадцать два фрегата, прикрывала систему Новой Эллады, густо населенного мира, колонизированного еще в XXII столетии.

У энсина, попавшего в Седьмую флотилию, кружилась голова от счастья. В космофлоте Вальдес считался самым лихим адмиралом и, к тому же, самым опытным – во всяком случае, в том, что касалось дроми и их повадок. Служить под его командой и на его корабле было честью и большой удачей; Петр уже представлял, как крушит дредноуты дроми из аннигилятора и ведет на абордаж стаю боевых роботов. Но на первых порах к орудиям его не допустили, заставив пройти стажировку во всех корабельных службах, от камбуза и гальюнов до секции связи. Наконец он попал к командеру Ракову, начальнику секции вооружения, персоне почти легендарной – Раков был лучшим на Флоте стрелком и выдающимся сквернословом. Когда-то в молодые годы (а в 2310-ом Раков был уже в приличном возрасте) он удостоился клички Птурс, и по этой причине или же в силу вздорного нрава тоже наделял подчиненных прозвищами, иногда обидными. Энсину повезло – он отличался хорошей выправкой и в стойке "смирно" был похож на изваяние, так что Раков прозвал его Командором. Следует заметить, что это имело отношение не к высокому чину commodора флота, а к событию мистической природы – каменному гостю, что посетил Дон Жуана.

Уже упоминалось, что Командор (будем звать его так) внушал симпатию женщинам. Это вовсе не означает, что все они вешались Петру на шею – на том же "Урале" ему пришлось смириться с рядом неудач с крутыми девицами с Ваала, служившими в десанте. Симпатия дам в зрелых годах носила совсем иной характер, сравнимый с материнским инстинктом и тягой к покровительству, какое женщины на Флоте, не видя подолгу сыновей и дочерей, испытывают к молодежи. В Седьмой флотилии были двое Вальдесов, адмирал и его супруга Инга, происходившая с Тхара; там у нее осталась дочь, а сын (Марк Вальдес, в будущем – Судья Справедливости), сражался в одной из эскадр Флота Фронттира. Тхар, как известно, был захвачен дроми в 2308-2310 гг., и Марку случилось стать участником того несчастного похода к Гамме Молота, когда погибли крейсер "Мальта" и вспомогательные корабли. Он уцелел, встретил сестру, оправился от ран и связался с местным сопротивлением, но, конечно, Инга Вальдес об этом ничего не знала. Мысли о гибели сына и дочери терзали ее.

Не известно, при каких обстоятельствах Командор познакомился с супругой адмирала, но такое знакомство состоялось, и кажется, Инга ощутила доверие к юному энсину. Помогла ли она ему в чем-то? Протекции на Флоте не в чести – но, возможно, и не было тут никакой протекции? В жизни и без протекций бывают чудеса, особенно с любимцами Фортуны... Так ли, иначе, но энсина, как он и мечтал, перевели на "Палладу", мощный крейсер новейшей постройки, посланный с другими кораблями к Гамме и Бете Молота. Вступив на борт "Паллады", мог ли он представить, что через много лет будет ее капитаном и погибнет на мостике крейсера?.. Вряд ли он об этом думал; в тот миг мысль его была конкретной и несложной – очень хотелось пострелять из аннигилятора.

Итак, "Палладу" и другие корабли послали на край Провала, в созвездие Молота. Завершилась эта операция полным разгромом дроми, а Командор, как ее участник, удостоился первой награды и производства в лейтенанта-юниора. Но, кроме геройских подвигов, имелась у него другая цель, поручение Инги Вальдес: найти ее детей, дочь Ксению и сына Марка. Должно быть, к этому его вела сама судьба: он десантировался в Западный Порт, где местные повстанцы уже сражались с

*Ксения Вальдес, первая жена Командора.
Портрет сделан до оккупации Тхара,
предположительно в 2307 году.*

дроми, и там, на поле боя, встретил Ксению.

Спустя два месяца они поженились. Исход неизбежный по двум причинам: во-первых, Командор питал нежные чувства к Инге Вальдес, а Ксения была ее точной копией, и, во-вторых, нравом она походила на Индиру, мать Петра. Не столь холодная и строгая, но с тем же твердым сердцем, умевшая во всяком деле добиваться своего; настоящая тхара, уроженка суровой планеты, что одарила своих обитателей лишь льдами да камнями. После нашествия дроми Тхар обезлюдил, и Ксения считала, что женщины должны рожать детей, трех, четырех или больше, крепких сыновей и дочерей, будущих воинов. Энсин – то есть уже лейтенант-юниор – для этого вполне годился; у него была прекрасная наследственность, и он мог передать потомству здоровье, телесную силу и боевой дух. Факт очевидный – правда, не имевший никакого отношения к любви.

Что до Командора, то он жену боготворил. Ксения была первой его любовью; ради нее он оставил "Палладу" и подал рапорт о переводе в Сторожевую эскадру, на десантный транспорт "Койот". Эскадра охраняла системы Молота и базировалась на Рооне, ближней к Тхару планете, что позволяло Командору часто навещать семью. А она уже была большой – вслед за старшим

сыном Павлом родился Никита, и кроме того Ксения усыновила трех сирот, чьи родители погибли во время нашествия дроми.

Командор, хоть и не очень быстро, продвигался в чинах, стал лейтенантом, а после, в двадцать семь лет, лейтенантом-командером, но службой был недоволен. Небольшая эскадра включала три фрегата, два десантных судна и несколько корветов; ее задачей являлось патрулирование зоны Провала, прилегающей к Гамме и Вете Молота. Месяц за месяцем, год за годом Петр болтался в пустоте, а в сотнях парсеков от него гремели битвы с дроми, шла бесконечная война, и ее отзвуки, долетавшие к Тхару, манили Командора все сильнее. Были и другие причины для тоски: сделавшись старше и опытнее, он начал понимать, что чувство Ксении к нему отнюдь не пылающий костер, а, в лучшем случае, тлеющая головешка. По-своему она его любила, но ее любовь была холодноватой и скупой, как Тхар. А Петр жаждал страсти.

В 2318 году корабли Сторожевой эскадры передали Седьмой флотилии Вальдеса, заменив их экипажами нуждавшихся в отдыхе ветеранов. Командор мог остаться с новоприбывшими, но такого желания не изъявил и отправился к Новой Элладе, где началась когда-то его военная карьера. Ксения пережила разлуку легко; вероятно, мысль расстаться с беспокойным супругом ее не пугала. Петру решение далось тяжелее, но время было неподходящим, чтобы предаваться печали: едва "Койот" прибыл к Элладе, как началось масштабное столкновение с дроми. Крупный вражеский флот двинулся к пределам лоона эо, к Данвейту и другим мирам, где находились базы земных наемников; несомненно, дроми хотели их уничтожить, захватить планеты Голубой Зоны и ряд космических цитаделей в пограничной области. План был чрезвычайно опасен: во-первых, враги получали плацдарм для атаки на Новую Элладу, а во-вторых и в главных – контроль над торговыми путями и сектором лоона эо. Земля была слишком обязана этой древней мирной расе, чтобы оставить ее без защиты.

На врага ударили Третья и Седьмая флотилии. Превосходство дроми было шесть к одному, но все же их удалось остановить – с огромными потерями для Земной Федерации. В том сражении, названном потом Битвой у Голубой Зоны, погибла большая часть кораблей Седьмой флотилии, включая

флагман "Урал"; и на нем приняли смерть старшие Вальдесы, адмирал и его супруга. Транспорт "Койот", не имевший аннигилятора и предназначенный для десантных операций, нес истребители; отстрелив звенья УИ, корабль столкнулся с вражеским судном, проломил его обшивку, и Командор повел своих людей на abordаж. В том бою он был трижды ранен: сломанные ребра, сильный ожог бедра, токсическое поражение гортани и легких. Лечился Петр больше года, побывал на Земле, на Новой Элладе, Гондване, на планетах Эридана и Шестьдесят Первой Лебеда, но на Тхар не завернул. Разрыв был окончательным и бесповоротным.

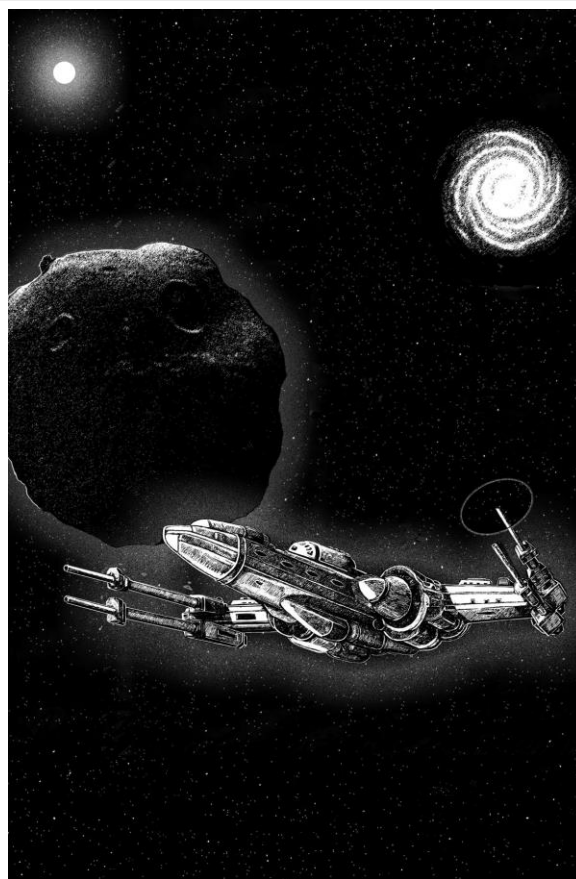
Он вернулся в строй в 2320-ом, получив звание командера и назначение первым помощником капитана на фрегат "Свирепый", Флот Оборона Солнечной Системы. Эта группировка прикрывала не только Землю и Марс, но весь центр сектора Федерации в пределах трех-четырёх парсек, от Ближайшей Центавра до Прокциона. Здесь, в относительной безопасности, испытывали новые корабли и тренировали экипажи, и "Свирепый" тоже был таким кораблем, новым фрегатом с усиленным вооружением и командой десантников. Зоной контроля "Свирепого" являлся Сириус с двумя его мирами, Тиром и Карфагеном; эти газовые гиганты были, разумеется, необитаемы, но на их спутниках размером с земную Луну велось строительство военных баз и энергетических станций, а при этих комплексах – поселений для будущих колонистов. По светимости Сириус А превосходит Солнце в двадцать раз, что гарантировало дешёвый источник энергии, а на спутниках газовых планет нашлись залежи редкоземельных и тяжёлых металлов. Освоение этой системы было задачей нелегкой, зато сулившей изрядный пропит, а это привлекало внимание средств информации.

В один из рейдов "Свирепого" к Сириусу на корабль загрузилась репортёрская бригада – шесть человек, дюжина роботов, видеокамеры, осветительные танки и несметное число ящиков с напитками. Руководил этой группой Петр Малахов, тезка Командора, парень разбитной и компанейский, любивший толковать о дамах, амурных похождениях и вообще "за жизнь". О жизни они и говорили с Олафом Питером Карлосом, осушая стаканы в честь знаменитых Петров – от апостола Петра до Петра I и дальше до собственных персон, пусть не таких великих, зато

пребывающих в добром здравии. Рустем, капитан "Свирепого", смотрел сквозь пальцы на эти посиделки, ибо репортёрская братия ему смертельно надоела. А потому инструкции первому помощнику были простыми: пусть пьют, но не лезут в рубку, а также к пушкам и реактору.

Приземлились на пятой луне Карфагена, необитаемой планетке, зато при всех положенных красотах: скалы как шилья, аммиачный лёд, живописные кратеры и ни молекулы воздуха. Малахов желал зафиксировать эти картины, а потом перебраться на вторую луну, к шахтам, энергостанции и рудничному поселку. Мысль у него была такая: сыграть на контрасте девственной и населенной лун, чтобы стала заметнее неотвратимая поступь прогресса.

Выгрузили роботов, танки с аппаратурой и прожекторами, и Малахов повел своих людей к зубчатым стенам ближайшего кратера. Ему хотелось забраться наверх и снять панораму планетки во всей её первозданной прелести. Операторов и репортёров сопровождали восемь десантников под

Фрегат "Свирепый".

командой первого помощника – на всякий случай, так как прогулки среди диких

гор, в безвоздушном пространстве и при малой силе тяжести, бывают опасны для неподготовленного человека. Но вначале все шло отлично; они без помех достигли кратера и стали подниматься по изрезанному трещинами склону. Они добрались почти до самого верха, когда над вулканической кальдерой вспыхнули световые шары, а между скал замелькали фигуры в громоздких скафандрах.

Появление дроми на пятой луне Карфагена, в девяти световых годах от Солнечной системы, до сих пор повод к дискуссиям и спорам. Вероятно, то была разведывательная экспедиция - ведь околоземное пространство являлось для дроми такой же terra incognita, как для людей окрестности Файтарла-Ата. Нельзя исключить и другую причину. Война тянулась уже лет пятнадцать, но пленники, особенно информированные, были редкостью как у дроми, так и у землян. Какой-нибудь зонг-эр-зонг, Прародитель клана, мог послать корабль на охоту, с приказом отловить пару-другую высоких чинов.

Дроми, которых было не меньше сотни, лучеметов не применяли, но попытались взять землян в кольцо. Опасаясь окружения, Командор велел бросить роботов и камеры, десантникам - отстреливаться, а репортерам - драпать со всех ног. Разумеется, он тут же связался с фрегатом, откуда выслали группу поддержки; затем капитан Рустем поднял судно и вступил в бой с вражеским кораблем. Бойцы Петра принялись стрелять, но противник наседавал, и вскоре завязалась рукопашная схватка. В среднем дроми сильнее людей, но десант набирают на Ваале и в Пограничных Мирах, где рождаются крепкие парни. Какое-то время Петру и его команде удавалось сдерживать атакующих, потом два бойца погибли, а с ними - человек Малахова, не проявивший должной резвости. Самому Малахову повредили скафандр, он начал задыхаться, побледнел, посинел и лишился сознания. С трудом отбившись от настырных дроми, Командор вынес его из свалки и вовремя подключил к своему атмосферному регенератору. Тут подоспела подмога с УБРами и метателями плазмы, и спустя пять минут все было кончено. А затем над пятой луной вспыхнул огненный шар и расточился струйками газа - орудия "Свирепого" преодолели защиту врага.

Эпизод, в общем-то, был рядовой. Однако камеры уцелели, роботы вели запись, а очнувшийся Малахов млеял от счастья: сцены реальных схваток являлись редкостью. Особенно нравилось

Малахову, как Тревельян-Красногорцев тащит камерата на плече, обхватив его левой рукой, а правой кромсает дроми плазменным резаком. Когда "Свирепый" вернулся на Землю, эти кадры попали на столько экранов, сколько нашлось их в Солнечной системе и ее окрестностях. В одно прекрасное утро - или, быть может, вечер - Командор взглянул на ленту новостей и понял, что превратился в героя.

Не только тезка Малахов этому поспособствовал, но и начальство из штаба Флота. Там понимали, что Флоту нужны герои, просто необходимы; корабли, солдаты и боевые роботы - обычное топливо войны, а герой - та щепотка пороха, что заставляет пламя взмывать вверх и разлетаться яркими искрами. Без героев, что бросаются под танки, закрывают амбразуры грудью и, конечно, выносят бездыханных камератов

Орден "За спасение соратника на поле боя", принадлежавший Командору.

с поля боя, война неприглядна, скучна и лишена романтики. Так что шумиха вокруг Командора пришлось очень кстати.

Его наградили орденом "За спасение соратника на поле боя" и повысили в должности, сделав капитаном

"Свирепого" (Рустем получил под команду крейсер). В те годы стало ясно, что война с дроми будет долгой – во всяком случае, продлится не одно десятилетие. Были приняты меры, чтобы усилить Флот Фронтира; туда направляли людей и технику, корабли новейшей постройки и лучших офицеров. Так в 2323 г. "Свирепый" очутился в составе Пятой флотилии – или флотилии Бетельгейзе, как ее называли. Этот красный гигант в двухстах парсеках от Солнца являлся важным стратегическим узлом, равноудаленным от секторов влияния Земли, кни'лина, дроми, хапторов и лоона эо. Раса, контролирующая эту точку, могла отправить флот в любом из четырех направлений и нанести противнику сокрушительный удар; причина достаточно веская, чтобы бороться за чудовищную тусклую звезду, не имевшую ни планет, ни астероидного пояса. Пятая флотилия прикрывала этот район на случай внезапного вторжения, и так же поступали дроми, хапторы и кни'лина.

Следующие десять лет Тревельян-Красногорцев служил на "Свирепом", участвуя в стычках с чужаками, получая раны и награды и не желая иной судьбы. Домом его был фрегат, и расставались они не часто, лишь в те месяцы, когда корабль ремонтировался в доках Ваала, Марса или Земли. Но и это время он обычно проводил с кем-нибудь из экипажа "Свирепого".

Нужно заметить, что фрегат отличается от крейсера не только размерами и числом орудий, но и особым психологическим климатом. Команда крейсера – более тысячи, и в этой летающей крепости есть много всяких чудес, кроме аннигиляторов и орудийных башен. Есть зона отдыха с бассейном, оранжереей и спортзалом, есть кают-компания для старших и младших офицеров, есть палубы для десантной бригады, есть святая святых – коридор с каютами капитана и его помощников. На фрегате все иначе. Экипаж – двадцать два человека по штатному расписанию плюс десантный взвод. От капитанской каюты до кубрика десантников – тридцать шагов, вместо кают-компаний – камбуз с откидными столами, вместо бассейна – санблок с циркулярным душем, вместо оранжереи – лимонное деревце в медицинском отсеке. Маленький замкнутый мир, боевое братство, где дистанция от стрелка-десантника до капитана так же мала, как от жизни до смерти...

Командору это нравилось. Люди в его экипаже были рискованные, под стать герою-капитану, корабль – быстрым и маневренным, так что в Пятой флотилии их использовали для разведки и рекогносцировки. За хапторами и кни'лина полагалось следить, не ввязываясь в бой, если противник не начинал атаку первым, но с дроми обходились без церемоний – всякое их судно было законной добычей "Свирепого". Конечно, если сам фрегат не превращался в добычу.

Такое тоже случалось. Однажды, в двух световых годах от Бетельгейзе, "Свирепый" выследил транспорт кни'лина. Огромный корабль двигался в сектор дроми – с грузовыми фермами, где висели странные штуковины явно боевого назначения. Возможно, "плешаки" поставляют военную технику "жабам", решил Командор и приказал транспорту остановиться для досмотра. В ответ кни'лина сбросили груз, шесть десятков истребителей, и завязалась неравная схватка. Часть машин "Свирепый" уничтожил, но было их слишком много – фрегат подбили, в рубке и на жилой палубе вспыхнул пожар и все четыре орудийные башни вышли из строя. К счастью, ходовой отсек не пострадал, и Командору удалось ретироваться.

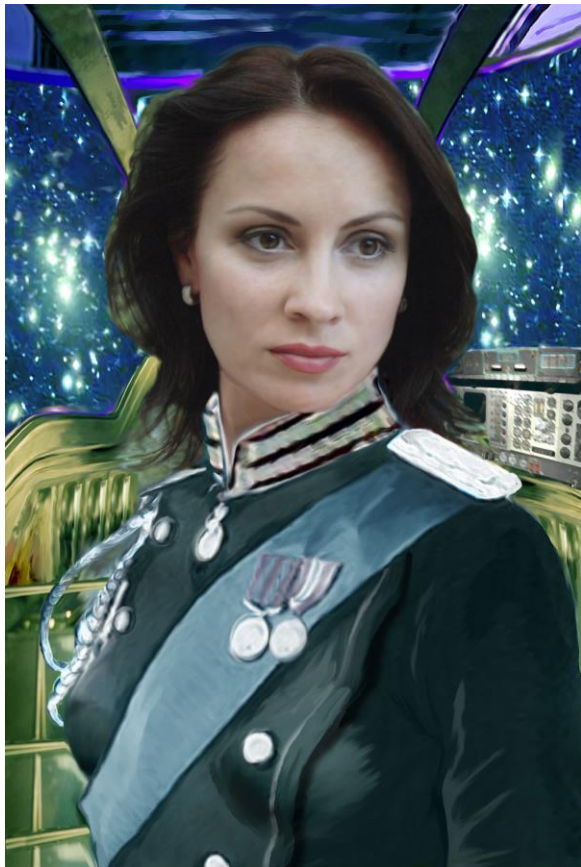
Куда подевался транспорт и кому был предназначен груз осталось тайной, хотя, по данным Секретной службы, кни'лина, а уж тем более хапторы, оружие дроми никогда не поставляли. Однако в штабе Флота сложилось мнение, что капитан и экипаж "Свирепого" достойны награды за бдительность и беспримерную отвагу; как-никак, треть истребителей кни'лина "Свирепый" расстрелял, пока ему не вlepили по башням. Командора представили к ордену "Меч Ганнибала", команду – к медалям "За личное мужество", и это решение было мудрым: от героя ждали подвигов.

А кто ждет, тот непременно дождется. Тем более, что о "Свирепом" и его капитане уже ходили легенды, снимались сериалы, писались книги, и портрет Командора (мужественное лицо в обрамлении боевого тактического шлема) был растиражирован в миллионах экземпляров – для школьников и юных барышень, а также для курсантов Звездной Академии. В элитных клубах и дешевых кабаках, в тавернах, пивных и барах, в отелях Годваны, Марса, Земли и множества иных миров тоже висели его портреты – с надписью, что здесь бывал Герой Галактики, любезничал с девицами, пил коньяк "Сатурн" и

закусывал "Щелью Кассини" - слизняками с Тефии под лимонным соусом. А если не пил и не закусывал, так подрался с неким Жаном Петелье и своротил ему скулу.

Имело ли это отношение к Тревелияну-Красногорцеву, капитану Флота по прозвищу Командор?.. Вряд ли. Тем более, что тефийских слизней он терпеть не мог. И не любезничал с девицами, даже не читал от них посланий, что приходили ежедневно сотнями.

К юным девицам после Ксении Вальдес его вообще не тянуло, он отдавал предпочтение женщинам. У женщин зрелых лет были свои достоинства - больше ума, меньше восторгов и пустых мечтаний, и меньше уверенности в том, что мир и люди,

*Моника-Паола Курисава,
вторая жена Командора, 2324 год.*

особенно близкие, должны быть непременно такими, как им захотелось. Словом, меньше иллюзий и больше здравого смысла.

В родословной Моника-Паолы Курисава, офицера связи на "Свирепом", были итальянские, японские и монгольские предки. На фрегат она пришла из десанта, владела всеми видами оружия, и не каждый мужчина мог

бы справиться с ней в рукопашном бою. Она не являлась красавицей, но выглядела очень привлекательной и была старше Петра на шестнадцать лет. Последнее, впрочем, не имело большого значения: срок жизни постоянно рос, старость отступала, и даже разницу в три-четыре десятилетия не считали препятствием для нежной страсти.

Командор влюбился в Моникау еще до событий на пятой луне и до того, как стал капитаном фрегата. Чувство оказалось взаимным. Моника, человек замкнутый, сдержанный, пережила гибель двух возлюбленных и, вероятно, оценила бесшабашную отвагу и открытость Командора. Петру же импонировал ее несомненный ум и та внутренняя сила, какой наделяют женщину горести и испытания. Они нуждались друг в друге; Петр хотел забыть свой неудачный брак, для Моника любовь была спасением от мыслей о погибших. Их связь, известная всем на корабле, не противоречила уставу, ибо Флот признавал право на личную жизнь, пока и поскольку это не мешало службе. Но, очутившись на мостике "Свирепого", Петр вскоре понял: что дозволено помощнику, то не подходит капитану. Моника перевелась на другой корабль, фрегат "Молниеносный", их встречи стали редкими, но страсть от этого не ослабела. Так прошли три года; затем, в 2327-ом, Моника погибла в сражении с дрои.

Должно быть, она предчувствовала смерть - после их свидания Петр нашел в своей каюте маленький запечатанный контейнер, а в нем - памятный кристалл. В начале XXIV столетия такие кристаллы были редки и не годились для записи личности - их объем еще не позволял вместить всю информацию человеческого мозга. Моника и не пыталась этого сделать, ее дар был иным. Подключившись к кристаллу, Петр прожил в ментальном трансе долгие, долгие годы, прожил их в любви и счастье с Моникой и детьми, которых она ему подарила, увидел своих внуков и правнуков, достиг почета и славы, побывал в десятках миров - не воином, а посланником, легатом Федерации. То была мечта его подруги, сон, в котором Петр увез ее в "Секвойи", в родительский дом на мирной Земле.

Но среди звезд не было мира.

Транс прервался, и Командор, вернувшись к реальности, долго сидел на койке в своей каюте, глядя в экран, где снова и снова повторялись совсем другие картины: "Молниеносный" в зареве плазменных лучей, броня, что

растекается под вражеским ударом, изувеченный корпус корабля и финальный взрыв. Эта запись была сделана корветом "Викинг". Корвету повезло – он уцелел в последнем сражении.

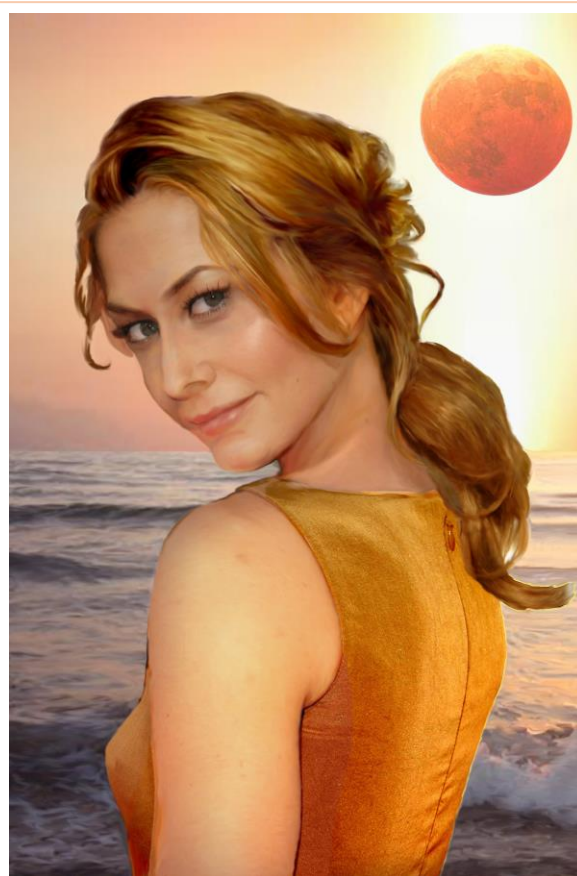
После смерти Моники Петр летал на "Свирепом" еще шесть лет, до 2333 года, когда патрули, крейсировавшие в Провале, заметили судно бино фаата. Атаковать его не рискнули – звездолет оказался огромным, не меньше посетившего Землю во времена Вторжения, так что тревога в системах Молота была вполне понятной. Сторожевую флотилию срочно доукомплектовали, сняв с Фронтира два десятка кораблей; в эту группу отбирались лучшие экипажи под началом опытных командиров. В их число вошел "Свирепый" – не без усилий со стороны Петра. Ему хотелось попасть на Тхар, повидаться с Ксенией и сыновьями: Павлу, старшему, стукнуло двадцать один, младшему Никите было девятнадцать. Возможно, Командор надеялся восстановить семью, но оказалось, что Ксения давно не одинока, а младший сын почти его не помнит. Старшего он не застал – Павел уже несколько лет учился на Земле.

"Свирепый" отправился в Провал на разведку и потерпел крушение в тридцати парсеках от Гаммы Молота. Впоследствии оказалось, что фаата засеяли пространство некими объектами, получившими название коррозионных мин, новым оружием, в те годы неизвестным Федерации. "Свирепый" первым очутился в поле, что разрушало пластик, металл и керамическую броню; затем последовали взрывы энергетических узлов, и экипажу пришлось покинуть гибнущий корабль. Спаскапсулы подобрали другие фрегаты флотилии, но половина команды Петра была изранена. Сам он, без сознания, с обожженной спиной и сломанной голенью, был доставлен в медицинский блок крейсера "Канберра", а затем – на Гондвану, в госпиталь на базе космических сил "Лиловый Вереск".

Среди земных колоний Гондвана считалась явлением уникальным. Планета с мягким климатом и теплым океаном, с великолепными пляжами и живописными горами, с богатой флорой, в которой эндемики мирно уживались с растениями Земли, была исключительной редкостью; место, которое сама природа предназначила для курортных забав, карнавалов, катания на яхтах, флирта и других развлечений. Люди жили здесь не первый век, украшая Гондвану парками, причудливыми зданиями и заповедниками,

куда свозилась всякая экзотика, от птиц и животных до деревьев хтаа с Роона. Крупных поселений на планете не было, только небольшие уютные городки, отдельные усадьбы и базы отдыха различных ведомств.

В госпитале Командор провел семь месяцев. Сначала, для регенерации обугленной кожи, лежал в целительном растворе, с маской на лице, обмотанный трубками и проводами, потом – в коконе системы жизнеобеспечения, пока, наконец, не перебрался в обычную кровать. Его наблюдала врач по имени Линда, но из-за маски он видел только ее ноги да краешек белого халата. Ножки были классные, загорелые и восхитительно стройные. Когда выросла новая кожа и маску сняли, он убедился, что все остальное ножкам вполне соответствует – пожалуй, верхняя часть

*Линда Карьялайнен,
третья жена Командора, 2338 год.*

даже превосходила нижнюю. Что не удивительно: доктор Линда Карьялайнен была женщиной удивительной красоты. К тому же она обладала нежным мелодичным голосом, мягким нравом и склонностью к юмору. Через месяц Командор твердо решил, что упускать такое сокровище нельзя.

Его обаяние было неотразимым, и Линда, приняв с благосклонностью руку и сердце раненого героя, вскоре стала его женой. Брак получился удачный и рекордный для Петра по длительности – супруги прожили вместе семнадцать лет. Разумеется, "вместе" слишком сильно сказано; вернее говоря, они виделись в те редкие дни, когда Петр был ранен или решал, что нуждается в отдыхе. Но в какой бы час он ни появился на Гондване, его ожидали улыбка жены, накрытый стол и жаркие объятия в постели. Его мундиры были наглажены, рубашки свежи, башмаки сверкали, а именное оружие и ордена хранились с великим почтением в особом сейфе. Линда вела их дом, работала в "Лиловом Вереске", заботилась о детях, лечила раны мужа и оставалась такой же восхитительно прекрасной. Случалось, она шутила, что служит вместе с Командором, только без чинов и наград. Иногда ее юмор становился горьким; как-то она промолвила: для тех, кто воюет, и тех, кто ждет, время тянется по-разному.

Однажды ночью Линда пересчитала шрамы на теле мужа и, вздохнув, сказала: "Хватит! Ты воюешь уже сорок лет... Хватит, дорогой!". "Война еще не кончилась", – ответил Петр. "Война не похожа на жизнь, – сказала Линда. – Жизнь кончается, а война – нет". Затем она поднялась и ушла в другую спальню. То была их первая размолвка.

Они расстались в 2351 году, когда Линда принялась настаивать на том, чтобы муж покинул службу и поселился с нею на Гондване. Петру было едва за шестьдесят – самый расцвет для боевого командира. Он сделал выбор в пользу Флота; возможно, иногда жалел об этом, но спрос на героя был велик и утешительниц хватало. Что до Линды, то она осталась на Гондване со своими детьми, дожидаясь до глубокой старости и, вероятно, продолжала любить Командора. Две их дочери, Анна и Елизавета, не захотели наследовать имя отца и приняли фамилию Карьялайнен; лишь Кристофер, младший сын, пожелал именоваться Тревельяном.

Теперь необходимо отступить назад, когда бывший капитан "Свирепого", излечившись от ран, покинул "Лиловый Вереск" и свою красавицу-жену. Капитанов фрегатов считали стратегическим резервом, претендентами на более высокий пост – самые толковые из них со временем поднимались на мостик крейсера. Звание то же, но уровень другой и другая ответственность, ибо крейсер был

сложнейшим механизмом; кроме команды и так называемого "бортового" оружия, он нес десантную бригаду с танками и УБРами и эскадрилью истребителей. Крейсер обычно сопровождали два-три фрегата, и его командир считался в этой группе старшим. Аннигиляторы, самое грозное средство уничтожения, монтировались только на крейсерах, обладавших нужным энергоресурсом. Крейсер был основной боевой единицей Звездного Флота, вполне автономной и предназначенной для крупных операций. Перед его капитаном открывался путь к званиям коммодора и адмирала.

Петр получил "Палладу". "Урал", на котором начиналась его служба, давно погиб, и новый крейсер с этим именем стал бы для чужим; его палубы и отсеки не хранили память о командере Ракове, Инге Вальдес и прочих его сослуживцах, лейтенантах Шибуми, Домарацком и бравой валькирии Марине Брянской. Но на "Палладе" он штурмовал Тхар, здесь прошло несколько месяцев его жизни, и потому корабль казался родным. Правда, люди были другие – миновала четверть века, и экипаж сменился.

Новый капитан был представлен команде на общем построении. По традиции полагалось сказать речь, краткую, но энергичную, дабы экипажу стало ясно, чего желает командир и куда подует ветер с мостика.

Ветер дул в сторону единоличной власти, крепкой, но справедливой. Командор сказал:

– Капитан на корабле – первый после бога. Но бог во Вселенной не обнаружен. Делайте выводы, камерады.

Он очутился на мостике крейсера в 2334 году, а в следующем родилась Анна, их первая с Линдой дочь. Через восемь лет он получил звание коммодора, командующего эскадрой Седьмой флотилии, и оставался на этом посту сорок лет, до своего последнего сражения у красного гиганта Бетельгейзе. Он не стал адмиралом подобно Коркорану, Вентури или Вальдесу, и это удивляло многих, но не его самого. Адмирал не только военачальник, но и политик, и это правильно – чтобы победить в войне, нужно нечто большее, чем дар полководца. При всех своих достоинствах Олаф Питер Карлос был скорее тактиком, чем стратегом. Даже в своей последней битве, в той, когда под кровавым светом Бетельгейзе он повел на дрои три тяжелых крейсера, он действовал как блестящий тактик, который скорее умрет, чем покинет поле

боя. Он знал, что добьется победы, пожертвовав "Палладой", и в этом он не колебался – хотя командир со стратегическим даром предпочел бы отступление. И это тоже правильно; тактик выигрывает битву и гибнет, но стратег должен жить, чтобы выиграть войну.

Война тянулась еще долго после его смерти, хотя был шанс покончить с ней еще в середине XXIV столетия. В этой связи нужно вспомнить операцию "Pro aris et focus" – но только вспомнить, так как хотя Командор в ней участвовал, она все-таки была и

*Лионелла Павана,
четвертая жена Командора, 2370 год.*

остается эпизодом из биографии другого человека, Судьи Справедливости Марка Вальдеса. В данном случае важна не столько попытка овладеть наследием даскинов, сколько другое, сугубо личное обстоятельство: тогда, в 2352 году, Командор в последний раз встретился с родичем из семьи Вальдесов, братом Ксении. Как зафиксировано в анналах Секретной службы Флота, встреча привела к конфликту и крушению планов упомянутой выше операции.

В последующие тридцать лет (2352–2382 гг.) коммодор Тревельян-Красногорцев сражался с дроми, хапторами и кни'лина, получал награды и раны, удостоился еще большей славы, переспал с доброй сотней женщин, паdkих на героев, но, за единственным исключением, сердце не отдал никому. В 2370-ом, во время отпуска на Земле, он встретил Лионеллу Павана, мулатку с Кубы, смуглую пылкую красавицу с огненными очами. Ей было двадцать шесть, а Командору – восемьдесят, но выглядел он превосходно: статный мужчина в синем с серебром мундире, чьи резкие черты скрашивала иногда обаятельная улыбка. Влюбившись с первого взгляда, Лионелла стала подругой Командора на пять ближайших лет, его последней искренней любовью. Он старался видаться почаще с молодой женой и не возражал, когда она прилетала на Киренаику, одну из баз Седьмой флотилии, где дислоцировалась его эскадра. Их встречи не были безрезультатными: Лионелла рожала каждый год, и на свет появились сначала сын Карлос, а затем дочери Индира, Мария и Фиделия. Но однажды все кончилось – там, на Земле, на Кубе, омытой теплыми волнами, Лионелла встретила Хорхе Эчеверия, молодого историка и археолога. Следует его упомянуть, так как через два десятилетия он сделался очень известным человеком – нашел и поднял едва ли не все корабли испанского Золотого флота. Но что гораздо важнее, для детей Командора он был хорошим отцом.

Год 2382 ознаменовался яростной борьбой за околозвездное пространство в районе Бетельгейзе. В будущем выяснится, что первые демарши и атаки дроми имели отвлекающий характер, тогда как их основные силы, семнадцать дредноутов и более сотни малых кораблей, выжидали момент для внезапного сокрушительного удара. В исторических хрониках часто сообщают, что в решающей битве дроми противостояли три крейсера, "Паллада" из Седьмой флотилии и "Один" с "Адмиралом Вентури" из Пятой. Это, однако, не так. Несомненно, что тяжелые крейсера с аннигиляторами были главной ударной силой, но нельзя забывать о кораблях сопровождения, о том, что каждый крейсер поддерживался своей эскадрой. Так что силы Федерации включали еще пять легких крейсеров и восемь фрегатов, но эти корабли вступили в схватку на периферии битвы, отражая натиск малых судов противника.

С дредноутами, число которых указано выше, действительно бились три тяжелых крейсера, и "Паллада" шла на острие атаки. Во время перезарядки аннигиляторов, когда защитное поле ослаблено, дроми сумели его пробить, и плазменный язык, слизнув орудийную башню и антенны дальней связи, добрался до рубки. Пилоты и навигаторы, чье место было у пультов, сторели заживо, а мостик, где стоял Олаф Питер Карлос, растекся лужицей металла. Но резервный пост уцелел, и его офицеры смогли оказать Командору помощь. Он лишился обеих ступней, левая рука, плечо, бедро и поясница были обуглены, но медицинский имплант поддерживал жизнь; как утверждают очевидцы, он руководил сражением еще семь или восемь минут. Космические битвы скоротечны, и этот срок обернулся для дроми полным поражением. До сих пор вблизи Бетельгейзе кружат обломки их боевых кораблей, клубится разреженный газ и плавают мертвые тела.

Командор скончался на руках своих офицеров - как отметил в бортовом журнале старший врач "Паллады", "от внутренних повреждений, несовместимых с жизнью". Медблок крейсера сильно пострадал, но, к счастью, сохранилось оборудование для сканирования мозга, новейший и очень точный агрегат. Это устройство позволяло снять копию памяти, хотя, в общем-то, предназначалось для других задач, для исследования нейронных тканей перед сложными операциями. Тем не менее копию удалось снять и отправить на Землю с посыльным корветом. Тело Командора, по традиции, было захоронено в пространстве и сторело в фотосфере Бетельгейзе. Копию памяти в те времена фиксировали в

молекулярном коллоиде, объем которого был весьма велик, но с течением лет технология совершенствовалась, и на смену коллоиду пришли кристаллы. Они походили на тот, который оставила Командору Моника-Паола, но обладали гораздо большей емкостью - достаточной, чтобы вместить человеческий разум. В таком кристалле Командор пребывает до сих пор.

Оценка его тактики в последнем бою долгое время была предметом для обсуждений и дискуссий. Одни говорили, что он жил как герой и умер героем, а значит, хотя потери в битве велики, хотя погибли "Один" и половина фрегатов, а "Паллада" почти разрушена, ее командир бесспорно достоин уважения и славы. Другим казалось, что он мог бы не жертвовать людьми и кораблями в неравном бою, мог бы отступить перед превосходящей силой, дожидаться подкрепления и лишь тогда ударить на врага. Кое-кто даже считал эту битву данью личным амбициям Командора - ведь при подходе Пятой и Седьмой флотилий главенство перешло бы к адмиралам Демирчану и Тронсону. Время, однако, все расставило по местам. У Бетельгейзе, в этом узле противоречий и конфликтов, имелись наблюдательные спутники кни'лина, хапторов и, вероятно, парапримов, так что битва была зафиксирована во всех деталях. Если не касаться периферийных схваток, итоги боя таковы: три корабля землян уничтожили семнадцать дредноутов дроми. Это означало, что в Галактике появилась могучая, воинственная и хорошо вооруженная раса, и это было предупреждением любым агрессорам.

Олаф Питер Карлос Тревельян-Красногорцев не выиграл войну, но доказал, что она будет выиграна.

ХРОНОЛОГИЯ

ОЛАФ ПИТЕР КАРЛОС ТРЕВЕЛЬЯН-КРАСНОГОРЦЕВ, 2290-2382 гг.

2290 г. - дата рождения (Земля, Англия, Корнуолл).

2290-2305 гг. - воспитывался до шестнадцати лет в поместье отца "Секвойи" под городом Бьюд, Корнуолл.

2305-2309 гг. - курсант Академии Звездного Флота, Гибралтарский филиал.

2310 г. - в звании энсина-навигатора направлен стажером на крейсер "Урал", флагман адмирала Вальдеса, командующего Седьмой флотилии Флота Фронтира. Затем переведен на крейсер "Паллада" в оружейную секцию. Участвовал в освобождении Тхара от дроми в составе десантного корпуса. Получил звание лейтенанта-юниора. Награжден медалью "За штурм Тхара".

2311 г. - женился на Ксении Вальдес. Подал рапорт о переводе в десант Сторожевой флотилии. Переведен на транспортный корабль "Койот", командиром десантной группы.

2311-2318 гг. - семь с половиной лет брака с Ксенией Вальдес. Даты рождения детей: 2312 г. - сын Павел Тревельян-Красногорцев, 2314 г. - сын Никита Тревельян-Красногорцев.

2311-2318 гг. - служил на "Койоте", в составе десантного корпуса Сторожевой флотилии; место дислокации - система Гаммы Молота. С 2317 г. - лейтенант-командер, командир десантного подразделения на транспорте "Койот".

2318 г. - переведен вместе с другими десантниками в Седьмую флотилию Флота Фронттира, место дислокации - Новая Эллада. В этом же году участвует в масштабном столкновении с дроми (Битва у Голубой Зоны). Получил тяжелые ранения.

2319 г. - залечивал раны.

2320 г. - вернулся в строй, получил звание командера. Назначен первым помощником капитана на фрегат "Свирепый", Флот Обороны Солнечной Системы.

2323 г. - в чине командера назначен капитаном фрегата "Свирепый" и, в связи с реформированием и усилением Флота Фронттира, переведен в Пятую флотилию (Флотилия Бетельгейзе) данного Флота.

2323-2333 гг. - служба в качестве командира фрегата "Свирепый". Звание капитана получил в 2328 г.

2324-2327 гг. - три года брака с Моникой-Паолой Курисава, офицером Флота. Детей нет. Моника погибла в 2327 г. на фрегате "Молниеносный" в сражении с дроми.

2333 г. - гибель фрегата "Свирепый" в поле коррозионных мин у Провала. Экипаж покинул корабль в спаскапсулах. Ранения: обожженная спина, контузия, перелом голени. Лечился в госпитале базы космических сил "Лиловый Вереск" на Гондване, где повстречал врача Линду Карьялайнен.

2334-2351 гг. - семнадцать лет брака с Линдой Карьялайнен. Даты рождения детей: 2335 г. - дочь Анна Карьялайнен, 2338 г. - дочь Елизавета Карьялайнен, 2340 г. - сын Кристофер Тревельян.

2334 г. - назначен капитаном тяжелого крейсера "Паллада".

2342 г. - получил звание коммодора, назначен командующим Первой эскадры Седьмой флотилии. Места дислокации - Новая Эллада и Киренаика.

2334-2352 гг. - сражался с дроми, хапторами и кнн'лина.

2352 г. - со своей эскадрой участвовал в операции "Pro aris et focis" ("За алтари и очаги").

2352-2382 гг. - в последующие тридцать лет по-прежнему сражался с дроми, хапторами и кнн'лина, был неоднократно ранен, удостоился высших наград, но адмиралом не стал.

2370 г. - во время отпуска на Земле встретил Лионеллу Павана.

2370-2375 гг. - пять лет брака с Лионеллой Павана. Даты рождения детей: 2371 г. - сын Карлос Тревельян-Красногорцев, 2372 г. - дочь Индира Тревельян-Красногорцева, 2373 г. - дочь Мария Тревельян-Красногорцева, 2374 г. - дочь Фиделия Павана.

2382 г. - погиб в возрасте девяносто двух лет в сражении с дроми у Бетельгейзе.

Примечания:

1. Кроме упомянутых выше имел еще шестерых внебрачных потомков. Предположительно его генотип унаследовали семь сыновей и восемь дочерей.

2. Основные награды: орден "Пояс Ориона" с кометами, орден "Меч Ганнибала" (награжден дважды), "Орден Фронттира" всех трех степеней, "Орден Провала", орден "За спасение соратника на поле боя", медаль "За личное мужество" (награжден трижды), медаль "За штурм Тхара", медаль "Голубая Зона", почетные знаки ранений (восемь знаков), знак отличия десантников "Триарий", знак отличия пилотов "Лимб" (за пятьсот прыжков в Лимбе). Другие награды не сохранились.

3. Штатный состав Первой эскадры Седьмой флотилии Флота Фронттира (2342 г): тяжелый крейсер "Паллада" (флагман), легкие крейсера "Дракон" и "Джинн", фрегаты "Вереск", "Шиповник", "Анчар", корветы "Сварог", "Перун", "Велес", "Морана", десантные транспорты "Анаконда" и "Койот", малые посыльные и разведывательные корабли.